

EMORY L. BROWN, JR.
ROUTE NO. 4, BOX 82
FARMINGDALE, NEW JERSEY 07727

21 August 1968

Mr. Harold Weisberg
Old Receiver Road
Route 7
Frederick, Maryland
21701

Dear Mr. Weisberg:

Your letter of 16 August, was received today and I have enclosed copies of CE-111 which have been made from the Xerox copies that were furnished by the National Archives.

In your letter you referred to the Dreyfus case and I assume you meant Oswald. I have not formulated an opinion as to who he was really working for, but I do know that his weapon did not kill the President.

It is quite possible that CE-111 may have been a plant, or used by someone other than Oswald. A professional intelligence officer or even a recruited agent would hardly bring ciphering materials back from the Soviet Union, once his mission was completed. Therefore, CE-111 must have been used in this country. However, this is my own idea and is not founded on fact at this time.

Did you receive my letter of 16 August? My mail is frequently being inspected although the postal officials insist it is damaged in the mails. Took one letter about twelve days to reach me from New York City.

Sincerely yours,

4 Enclosures—

from CE-111
(Xerox Copy)

— Там, на винограднике, в домике.
Старушка поставила чашку и удивленно посмотрела на меня.

— Гость — один мой ученик, — продолжал я

— Вот тебе на! Да что ж это ты не привел его к нам, если он без квартиры остался?

— Нельзя, он партизан.

— Что? — восторженно сказала бабушка Дарья.

— Партизан. Его ранили в ноги.

Мы замолчали. Я попытался отгадать, о чем она думала в эту минуту.

— Ты вроде испугалась? — спросил я ее.

— Ну да, с чего это мне пугаться. Сильно его ранили, горемычного?

— Сильно. Я его перевязал и накормил.

— Это хорошо. А что ж теперь-то делать? Бедненький! — сказала старушка, и в голосе ее прозвучали материнские нотки.

Я встал и положил ей на плечо руку. Она вздрогнула.

— Бабушка Дарья, сейчас ты ему мать. Только ты можешь спасти его!

— Не бойся. Не дадим мы ему погибнуть! — ответила она и тихонько вздохнула.

— И никому ни слова об этом, ладно!

— Смотри-ка ты! Да я что, дитя, что ли?

— Спасибо тебе, хороший ты человек.

От радости я сильно потряс ее за плечи. В глубине ее глаз светилась такая нежность, которая заставила меня поверить, что старушка не даст погибнуть моему ученику.

Через несколько минут я взял свой портфель и отправился в школу.

Так и случилось. Бабушка Дарья каждый день ходила на виноградник и носила Филиппу еду. Ее никто не мог заподозрить, так как все жители городка знали о том, что она очень любит посидеть там под своими липами.

Я виделся с Филиппом всего два раза. Первый раз, когда занес ему газеты с последними вестями с Восточного фронта, и второй — через месяц, когда Филипп уже поправлялся. Хотя я и знал партизанские правила, все же спросил его, куда он пойдет. Сердце не позволяло мне молчать, да и погода изменилась к этому времени: стало холодно, небо набухло от серых туч и уже пахло снегом.

— Я знаю, куда мне идти. Вы не беспокойтесь! — улыбнулся Филипп. — До свидания, товарищ учитель.

— До свидания, Филипп!

И мы крепко пожали друг другу руки.

14. НОЧЬ КОНЧИЛАСЬ

И вот опять пришла весна. Река весело зашумела среди распутившихся верб. Со всех дворов понесся упительный запах цветущей сирени. Холмы, окружавшие город, покрылись густой зеленью, среди которой белели цветущие деревья. По улицам застучали телеги, в которых пестрели яркие косынки женщин, — люди с раннего утра выезжали в поле.

Как всегда и эта весна бурно ворвалась в классы гимназии. Опять появились замечания в журналах, были и более чувствительные наказа-

ния из-за цветущей сирени и пышно взбитых кудрей учениц. Наказаны были и Димо с Латинкой, но на этот раз он не сердился. Почти каждый день я встречал их вместе, и это радовало меня, потому что непостоянный Димо сейчас проявлял постоянство.

Но было в этой весне и нечто, отличавшее ее от других весен. С Восточного фронта долетали до нас радостные вести: гитлеровские войска продолжали «сужать» боевые линии. Иногда по главной улице нашего городка проносился какой-нибудь немецкий грузовик, в котором сидели мрачные солдаты в серых касках. Никто не поднимал руку для приветствия.

Однажды на площади мне повстречался бай Куман. Помахав рукой, он подошел ко мне.

— Здравствуй, учитель!

Лицо его сияло. Наклонившись, он прикурил от моей папиросы, затянулся с наслаждением и, взглянув на меня своими глубокими синими глазами, сказал:

— Скоро бай Куман опять откроет свою харчевню, опять соберет своих орлят. Выше голову, учитель!

Я понял, на что он намекал. Ему хотелось сказать мне еще что-то, но в это время послышался звон шпор — на площади появился начальник полиции.

— До свидания! — сказал бай Куман, по-прежнему улыбаясь, и ушел.

Увы! Это была наша последняя встреча.

Вскоре произошли события, от которых весь наш городок оцепенел. Но сначала я расскажу

о том, какой циркуляр мы получили из Министерства просвещения: это было что-то чудовищное, небывалое в истории нашей культурной жизни.

На заседании педагогического совета директор был мрачен как туча. Он долго поправлял свои манжеты и перекладывал из руки в руку листок бумаги — словно хотел освободиться от него. Но циркуляр есть циркуляр, надо было прочесть его. И директор прочел.

Министерство просвещения запрещало праздновать день Кирилла и Мефодия.* Было невыносимо тихо. Все молчали и переглядывались друг с другом. Да же и Абаджиев с Ивановым опустили головы и не произнесли ни слова. После этого совета мы вышли из учительской как с похорон.

Какой уж тут урок! Сидел за столом и, глядя на учеников, с грустью вспоминал свои школьные годы. В классах все начищено до блеска, а мы плетем венки. И с такой радостью украшаем ими портреты солунских братьев! Вокруг нас разбросаны всевозможные цветы — словно пол забрызган всеми красками поля. Запах кружит голову. И сильнее всего — аромат сирени. И через открытые окна льется майское солнце. Из соседнего класса доносится: «Вперед, народ наш возрожденный..» Какая чарующая песня! Иной будто собрано все самое лучшее, из пережитого нами в школе!

Варвары! Как вы могли это сделать! Вы любите бить себя в грудь и говорить, что только вы — подлинные болгары. Неужели ничто не дрогнуло

* 24 мая — день славянской письменности.

these marks were made by me, as in my Xerox copies. It is rather difficult to locate the windows